

История науки, как правило, предпочитает иметь дело с прославленными именами. В них воплощена судьба теоретических школ и направлений. Но есть и повседневность, не менее героическая и патологическая, чем великие взлеты и падения. Здесь историку приходится брать на себя функции очеркиста. Принято считать, что при сталинизме социологии не существовало. В статье рассказывается о некоторых малоизвестных обстоятельствах в истории советской социологии конца 40-х годов, когда начиналась массированная сталинско-ждановская атака на интеллигенцию.

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ЗАКАТЕ СТАЛИНСКОЙ ЭРЫ

(несколько эпизодов)

(Вестник АН СССР. 1991. № 10)

Стремясь понять обстоятельства происшедшего, историк обязан выработать в себе надлежащую интонацию и оптику, отстраненную от ненависти к предмету. Тогда появится возможность уклониться от живописания тоталитарного режима в стиле ужасов и восстановить связь "вчера" и "сегодня". Станет видимой преемственность социологической традиции в марксизме-ленинизме, а попытки нынешних демократизировавшихся социологов представить себя жертвами сталинских репрессий, и занять место поближе к генетике и кибернетике окажутся вполне объяснимыми.

Нам нужен предварительный абрис идейной химеры, внутри которой разворачивалась судьба социологической доктрины. Начиная свою знаменитую книгу об идеологии и практике национал-социализма, Франц Нейман замечает, что Платон и Аристотель, Фома Аквинский и Марцилио Падуанский, Гоббс и Руссо, Кант и Гегель зачаровывают внутренней красотой и изяществом мысли. Последователен и элегантен также способ сопряжения их идей с социальными и политическими реалиями. Напротив, национал-социалистическая идеология лишена какой-либо внутренней красоты. Она непоследовательна и ситуативна, изменчива и зависит от обстоятельств [1, р. 37]. Отсюда вывод о необходимости социологического анализа политического

жаргона, метафор и риторических оборотов, образующих корпус национал-социалистической идеи.

Пусть так. Национал-социализм вызывает неприятие у либерально настроенного мыслителя. Но историку не стоит спешить с отрицанием внутренней красоты и завершённости нацистского порыва. Нельзя пренебречь также и высокой героикой юнгеровских "стальных ураганов", и глубочайшей философичностью их раннего контрапункта — орудий Круппа [2]. Нейман имеет основания считать, что отсутствие основополагающей теории общества — одно из отличий национал-социализма от большевизма [1, р. 39], но при ближайшем рассмотрении теоретичность последнего оказывается в значительной мере неартикулированным порывом-мироощущением, установкой и практикой оперирования миром. Этот порыв опять же явлен в идеологическом жаргоне, метафорах и риторических оборотах, придающих идее-монстру какое-то странное внутреннее очарование, — она настолько самоуверенна и независима от обстоятельств, что сами обстоятельства вынуждены приспособливаться к ней.

Можно ли говорить о существовании социологии при тоталитарном режиме? Слишком многие отвечают на этот вопрос отрицательно. Социологи предстают в ореоле борцов за свободу и демократические идеалы, привычно выступая от имени народа. Это так. И, тем не менее, внутри дисциплины обнаруживается вполне отчётливое стремление к господству и переустройству мира на научных основах. Советская социология, унаследовав западную позитивно-критическую традицию, не только верно служила власти, но и стала своеобразной рационализацией идеологии и практики репрессивного режима, можно сказать, самосознанием тоталитаризма. Здесь требуется некоторая терминологическая коррекция, связанная с тем, что "тоталитаризм" в том классическом смысле, который вкладывали в это понятие З. Бжезинский и К. Фридрих, не объясняет многие реалии советской общественной и политической жизни. Предложенное Дж. Хауфом понятие "институционального плюрализма" включает неформальное распределение власти, взаимодействие и борьбу заинтересованных сил, роль различных институций в выработке решений [3, р. 22—24]. Кроме всего прочего при таком подходе исследователь обязан учитывать способность жесткого тотали-

тарного режима и к метаморфозу. Хотя "институциональный плюрализм" — прежде всего попытка понять либерализацию политической жизни, мы, вслед за Г. Литтлджон, будем исходить из того, что даже во времена политического террора "генеральная линия" власти вырабатывалась в процессе взаимодействия "групп интересов" [4, р. 157]. Если так, то социология являла собой интеллектуальное пространство, где разворачивалась борьба "групп интересов" за право на господство. В этом отношении социалистический строй может быть с небольшой погрешностью назван строем социологическим — Петр Лавров оказался здесь гениальным провидцем. Уникальность же советской социологии заключается в том, что впервые в истории социологические идеи обрели практическую силу, применяемую в соответствии с неявными нормами "институционального плюрализма". Эти идеи не всем нравятся, но ведь нет одной социологической теории, которая бы нравилась всем.

Кроме всего прочего нам нужно избавиться от представления о марксистской социологии как одной из научных дисциплин. Учение о познании объективных закономерностей на основе материалистического понимания истории и научном управлении развитием общества преодолевает "человеческую" топику (точнее, возводит ее в степень абсолютного господства) и стремится подчинить себе весь материал, из которого состоит вселенная. Наиболее отчетливо эта линия представлена в инженерно-организационной утопии А.А. Богданова, но дело не в линии, отвергнутой в свое время как ересь, но продолжавшей жить в подсознании советского марксизма. Опять же, мы будем говорить о социологии не как о линии и дисциплине, но как о мировоззрении, объясняющем закономерности природы и общества "материей". Здесь открывается вход уже в метафизическую топику, где содержится ответ на вопрос: как могло получиться, что мертвое и пустое возоблагодало над всеблагим и животворящим? Достаточно вспомнить деистический критицизм европейского Просвещения и обстоятельства, сопровождавшие "похороны Бога" в расколдованном мире, чтобы осознать их преемственность с представлением о развитии общества как "естественно-историческом процессе" [51]. Натурализм здесь — не привходящая аберрация социологической эпистемы, а её несущая

щая конструкция. Не случайно и каноническое определение марксистской социологии начинает разворачиваться со слов: "Как Дарвин положил конец ... и впервые поставил биологию на строго научную почву ... так и Маркс положил конец ..." [6, с. 139]. Общество предстает в этой доктрине как живой организм, находящийся в predetermined ритме прогрессивного развития. Слово "живой" может ввести в заблуждение, если не заметить, что имеется в виду квазифизиологический, материальный и, конечно, бездушный жизненный процесс — высшая форма движения материи: "Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющий их волю, сознание и намерения" [6, с. 1661]. Эта идея, выросшая из просветительского активизма, еще раз возродила к жизни "перевоспитание" человека и природы уже методами диктатуры пролетариата. Научность социологии, на которой она настаивает с великим упорством, не что иное, как мягкий перифраз диктатуры. Иногда "научная" идея обнаруживает себя с бессовестной откровенностью, иногда прячется за гуманистическими ламентациями, прекрасно приспособленными для данной цели, но социология жила и живет экспансией — насильственным посягательством на все, что ей подвернулось под руку. В этом отношении та феноменальная линия развития советской науки, которая обычно связывается с именем академика Т.Д. Лысенко, — не что иное, как попытка социологии завоевать себе биологическое жизненное пространство, убив в нём животворящую душу не зависящего от среды "наследственного вещества". Вне сомнения, Т.Д. Лысенко был архипоследовательным социологом-марксистом, когда избрал в качестве своего методологического (и идеологического) кредо мичуринскую формулировку: "При вмешательстве человека является возможным вынудить каждую форму животного или растения более быстро изменяться и притом в сторону, желательную человеку. Для человека открывается обширное поле самой полезной для него деятельности" [7, с. 271].

Изучение социологического экспансионизма по отношению к не поддающейся научному управлению наследственности обнаруживает некоторые неартикулированные, но существенные

черты мичуринской социологии: ее тайную приверженность "соте", безудержный первопроходческий нахрап, способность воспринимать исключительно "объективную реальность, данную нам в ощущениях", неспособность к прилежанию и удивительное умение адептов сбиваться в стаю и моргать. Определяя направление главного удара на исторической сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года, М.Б. Митин, представляющий в своем лице марксизм-ленинизм, приводит следующую мичуринскую формулировку: "Только на основе учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина можно полностью реконструировать науку. Объективный мир — природа — есть примат, человек — есть часть природы, но он не должен только внешне созерцать эту природу, но, как сказал Карл Маркс, он может изменять ее. Философия диалектического материализма есть орудие изменения этого объективного мира, она учит активно воздействовать на эту природу и изменять ее, но последовательно и активно воздействовать и изменять природу в силах только пролетариат, — так говорит учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — непревзойденных умов-гигантов" [7, с. 232].

Разгром "вейсманизма-морганизма" в 1948 году существенно повлиял на укрепление социологической концепции "функционирования и развития" природы и общества. Еще раз повторим социологическую схему: все живое — продукт среды. Среда поддается целенаправленному изменению, следовательно, все живое поддается целенаправленному изменению, то есть воспитанию: "Решающим средством управления формообразовательными процессами гибридных организмов является их воспитание, включая сюда и метод ментора" [8] — такой вывод следовал из победы мичуринско-лысенковской доктрины, уже не биологической и почти социологической. Проблема воспитания "нового советского человека", который должен коренным образом отличаться от человека старого строя своим сознанием, поведением, всем психологическим складом [9], отчетливо обрисовалась в конце 40-х годов и в идеологической работе. Смутные романтические представления о "новом человеке", бытовавшие в просветительской традиции и раннем большевизме, стали приобретать в это время черты "социо-инженерного" преобразования духовной жизни людей. Материал для подобного преобразования был

явлен в сформировавшейся к тому времени "массе", столь же послушной, сколь и энтузиастически настроенной. Сбылось предвидение Ленина — "в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта" [10]. Критерием перевоспитания стал "свободный труд", воплотившийся первоначально в стахановском движении, а затем давший импульс "превращения труда в первую жизненную потребность" — одной из самых благодарных социологических тем. На практике проблема сводилась к борьбе с "пережитками прошлого" и выявлению "отсталых элементов" — так формулировался социальный заказ предстоящему социологическому ренессансу.

Вообще положение "социологии" в теоретическом лексиконе советского марксизма достаточно двусмысленно. Нет никаких серьезных свидетельств, что социология запрещалась — социологические формулы раннего Ленина всегда были каноническими. Начиная с 1929 года, массивная атака на бухаринскую ересь, на протяжении нескольких лет заставляла обществоведов избегать социологической терминологии, чтобы не попасть в какую-нибудь историю — тогда уже все прочитали маргиналии Ленина к "Экономике переходного периода". Вопрос получил видимость решения в 1936 году, когда журнал "Под знаменем марксизма" (очищенный от хулителей социологии — деборинцев) разъяснил, что марксистская и общественная наука — социология — основана на понимании общественного развития как естественно-исторического процесса [11]. И, самое главное, было установлено, что Сталин употребил сомнительное слово "социология" "в положительном смысле". Это действительно так, никаких претензий к "социологии" Сталин не имел, хотя специально на сей предмет не высказывался. Но одну удивительную формулировку следует отметить. Вождь говорит, что "наука об истории общества ... может стать такой же точной наукой, как, скажем биология, способной использовать законы развития общества для практического применения" [12]. (О, если бы взглянуть на подготовительные материалы к этой знаменитой работе! ... В них бы нашлись апелляции к социологии в ленинской версии

1894 года.). Впрочем, что имя? ... Советская социология привыкла фигурировать под разными именами и скрываться даже под своим настоящим именем. Таков абрис ситуации, в которой стал осуществляться "первый ренессанс" социологии сразу же после окончания войны.

Это было время светлых надежд и безысходного отчаяния. В кабинетах Кремля и Лубянки, вероятно, обсуждались планы новых идеологических репрессий, готовилось постановление о журналах "Москва" и "Ленинград", предстояли историческая сессия ВАСХНИЛ, дискуссия по истории философии, ликвидация безродного космополитизма и еще бог знает что. Ведомство Берии интересовалось интеллигенцией. Нас же будет интересовать главным образом сектор социологии в Институте философии АН СССР, который был создан к осени 1946 года. До августа примерно год в институте существовала группа по истории социологических учений. Руководил этим подразделением профессор М.П. Баскин, которому было суждено стать первым несостоявшимся советским социологом послевоенного периода. В секторе Баскина было всего два штатных научных сотрудника: он сам и профессор Дониях, который не мог активно работать из-за болезни. Сектор занимался критикой буржуазных социологических учений, и это обстоятельство исключительно важно для понимания идейных импульсов послевоенной советской социологии. Определим его как трансмиссию западных идей¹. Создание сектора Баскина не отнесешь к числу великих событий — профессор не был достаточно влиятельной фигурой в философско-политической иерархии, чтобы формировать новые научные институты. Впоследствии за него это сделали более оборотистые и политически грамотные социологи, но говорить о социологии как дисциплине начали на баскинских семинарах (разумеется, речь идет о послевоенном периоде).

Несколько слов о Марке Петровиче Баскине. Он родился в 1899 году в Полтаве, в семье врача. И отец и мать Баскина, по его словам, состояли в РКП. В юности, как многие интеллигенты, он стал делать революцию: вступил в партию эсеров, "откуда вышел, — сказано в автобиографии, — ввиду полного разочаро-

---

¹ Автор признателен Франсэс Нетеркотт (Франция) за обсуждение проблем трансмиссии западных философских идей в России.

вания как в народнической теории, так и в практике" [13]. В январе 1919 года стал членом партии большевиков. До поступления вольнослушателем в Институт красной профессуры в 1922 году работал в партшколах Харькова и Москвы, одно время даже руководил секцией партшкол при МГК РКП (б). В "красные профессора" Баскина рекомендовали Н.К. Крупская и З.П. Кржижановская, знавшие его по Глав-политпросвету — там Баскин состоял ученым секретарем программно-библиографического отдела. Особый вопрос — подбор и подготовка "красных профессоров". Здесь будет достаточно нескольких штрихов. В одной из характеристик слушателя ИКП тех лет имеется очень емкая и точная фраза, приоткрывающая замысел-схему становления "красной профессуры": "Внизу использовать нецелесообразно, выдвинуть на более ответственную работу данных нет" [14]. Так партия рекомендовала для поступления в Институт красной профессуры своего товарища — некоего Айзинберга, человека с типичной революционно-интеллигентской судьбой. Рискнем предположить, что эта характеристика в известной мере применима и к Баскину. Вообще, ИКП давал своим слушателям сильную подготовку. Будущие профессора изучали три иностранных языка, плюс латынь, читали новейшую литературу, вели педагогическую и партийную работу (кстати сказать, все они были распределены по партийным ячейкам предприятий), писали доклады и защищали их в обстановке суровой критики со стороны сокурсников и преподавателей. Учителя (среди них Дволайцкий, Удальцов, Крицман, Аксельрод-Ортодокс, Покровский, Деборин) не давали спуска. Особенно налегали на первоисточники марксизма. При всем притом ИКП скорее был похож на бюрократизированный марксистский кружок, чем на высшую школу. Там постоянно спорили и, как принято, обзывались довольно обидно. Эта традиция сохранилась в советской философии надолго. Тогда, в начале 20-х годов, в списках слушателей ИКП можно было встретить впоследствии известные имена: Гониман, Тымянский, Карев, Луппол, Троицкий, Марецкий, Розит, Слепков, Максимов, Яновская. Юный А.Я. Пельше был принят в 1924 году кандидатом [15]. Они не догадывались, что многим из них суждено быть убитыми в лагерях, другие же взберутся на высшие этажи партийно-

государственной пирамиды. Эти подробности нужны нам для того, чтобы понять интеллектуальное "происхождение" Баскина. И, надо сказать, судьба была милостива к нему.

"Критика буржуазной социологии" стала областью его интересов не сразу. Первые работы Баскина выполнены в русле распространения политграмоты ("Что такое философия?", "Азбука самообразования для рабочих и крестьян") не без интеллектуального респекта. В одной из брошюр "социология" вводится в словарь основных понятий марксизма и определяется как "наука об обществе и законах его развития" [16]. В 30-е годы он практически не публиковался, если не считать не очень удачной статьи с критикой Августина Блаженного. Если же обратить внимание на персоналии в справочном аппарате его публикаций в 20-е годы, то можно установить идейные предпочтения Баскина, связанные с именами Богданова, Покровского, Бухарина и Преображенского. С таким творческим наследием трудно было рассчитывать на одобрение идеологического руководства после 1929 года. Но, так или иначе, в 1946 году авторитет Баскина в области критики буржуазных социологических концепций можно считать несомненным. Этот научный жанр требует короткого комментария.

Вообще говоря, жанр "критики буржуазных концепций" и "разоблачения буржуазной сущности", который воспринимается западными советологами как клинический симптом идиотизма, заключал в себе некоторую амбивалентность. Если не считать обидных эпитетов в адрес зарубежных философов и социологов, "критика" сводилась к утверждению, что взгляды критикуемых персон враждебны вечно живому, всепобеждающему учению и по своей сути буржуазны. Ничего неверного в таких утверждениях не содержится. С другой стороны, "критики" постоянно работали с литературой и благодаря этому обстоятельству осуществляли своеобразную рецепцию западной интеллектуальной традиции. Можно сказать, они строили деревянного коня для советской Трои. То, что "критик" не мог сказать открыто, он выражал путем реферирования и публикации идей критикуемого врага. Немаловажны и тематические предпочтения "критики". "Кого любили, того и критиковали", — заметил Ю.Н. Давыдов [17]. Самое главное, этот жанр сформировал внутри научного

сообщества отчетливо распознаваемую "группу интересов", своего рода "незримый колледж" людей, включенных в мировую интеллектуальную традицию. Специалисты по "критике" на протяжении всех послевоенных десятилетий считались профессиональной элитой среди советских обществоведов, большей частью малообразованных. Впрочем, это утверждение оправдывается далеко не на сто процентов.

Итак, волею судьбы Баскину пришлось "возглавить" советскую социологию в 1946 году. Слово "возглавить" здесь обязательно требует кавычек, потому что он был не научно-политическим функционером, а лишь интеллектуалом-работягой. Мы не располагаем данными о том, как отразилась на его судьбе всенародная борьба с космополитизмом, но впоследствии при выходе советской социологии на международную арену имя Баскина в составе делегаций не обнаруживается. Не вошел он и в руководство Советской социологической ассоциации. Зато своим интеллектуальным статусом советская социология обязана "критической" работе Баскина и многих его коллег.

Ученый колоссальной эрудиции, Баскин, вероятно, к началу 50-х годов привык играть роль "еврея-умника", недостаточно искусственного в организационно-политических вопросах. Кампания борьбы с космополитизмом в философии не имела столь драматических последствий, как, например, в медицине, и, скорее всего, прошла стороной, если не считать некоторых курьезов, свидетельствующих как раз о стиле поведения Баскина. Рассказывают о следующем случае, произошедшем с мэтром. Подозрения в космополитизме пали на сотрудника института Б., который занимался в то время разоблачением германской социал-демократии. Как водится, вопрос обсуждался на заседании высокой идеологической комиссии. "Содержится ли в диссертации Б. космополитизм?" — строго спросили Баскина. "Нет, нет, конечно же, не содержится, но это-то и ужасно", — ответил (с перепугу?) хитроумный интеллектуал.

Интерес к западной социологии в такой атмосфере мог принять лишь видимость "борьбы" и "усиления бдительности". Но как раз "борьба" и "бдительность" дали значительный импульс освоению западной социологической традиции. Эта установка формулировалась следующим образом: "Всем ухищрениям вра-

гов нашей Родины необходимо противопоставить постоянную бдительность советских людей. Долг каждого советского гражданина — высоко держать свое патриотическое достоинство, быть постоянно бдительным, уметь противостоять, любому коварному приему буржуазной реакции и ее разведки, бороться против какого бы то ни было проявления угодничества перед иностранщиной, перед реакционной культурой империалистической буржуазии, оберегать всюду и везде честь и достоинство советской Родины" [18].

Поистине, примечательна осторожность канатоходца, с которой Баскин представляет "социологию" в сталинской Большой советской энциклопедии (её 52 том, где опубликована довольно пространная статья Баскина, вышел в 1947 году). Автор пишет: "Социология — это термин, введенный Огюстом Контом для обозначения науки об обществе, его закономерностях и движущих силах и получивший распространение в буржуазной науке" [19]. Такое определение — по сути эквивалентное определению исторического материализма, но "принятое в буржуазной науке", — даёт социологии шанс на существование. Разумеется, "единственно правильной и подлинно научной теорией общественного развития является созданный Марксом и Энгельсом и развитый Лениным и Сталиным исторический материализм" [19]. И, самое главное, "именно исторический материализм впервые возводит социологию на степень науки" [19]. (Эти филигранные формулировки не имеют ничего общего с техникой фразы — они прочитываются и входят в сознание, как знаки-криптограммы на стенах лабиринта, где за каждым поворотом может оказаться пропасть.).

В 1949 году выходит книга Баскина "Англо-американская социология на службе империализма", в которой содержание социологических идей достаточно отчетливо отделялось от необходимых обличений. Книгу читали. Во всяком случае, экземпляр баскинской работы в Библиотеке имени В.И. Ленина затрепан читателями до невозможности. В 50-е и 60-е годы Баскин издает том Монтескьё, редактирует издания Пейна, Франклина, Танеева и другие книги. Тогда он уже не принимал участия в социологических делах, но в новом издании БСЭ (за минувшее десятилетие сменилась эпоха) именно он опять пишет статью "Со-

циология". Развивая позиционный успех социологии, Баскин определяет её как "буквально учение об обществе" [20, с. 202]. Успех несомненен! Социология уже не просто термин, введённый Контом, а учение об обществе, научно обоснованное воздействие на общественную жизнь [20, с. 207]. Как и в 1947 году, автор апеллирует к научности исторического материализма, который создаёт возможности "научного предвидения и воздействия на общественную жизнь с целью её планомерного преобразования".

"Научность" марксистской социологии требует расшифровки. Она имплицитно содержала некую антитезу безумию социалистического строительства, хотя теория и практика большевизма изначально были пронизаны научной экзальтацией и обнаруживали невыразимое тяготение к экспериментированию. Социология в такой атмосфере должна была занять высшее место в иерархии общественных наук. Впрочем, так оно и вышло, если принудить себя к пониманию, что теория коммунистических преобразований — сугубо социологическая теория, практика партийного руководства — сугубо социологическая практика, а "номенклатура" — социологи, правда, не вполне сознающие, что они социологи.

Такова общая атмосфера, в которой начало работу подразделение профессора Баскина, и сейчас мы вернемся к подробностям его кратковременного существования. На заседаниях сектора, которые проводились сравнительно часто (раз в неделю) присутствовали весьма влиятельные люди. Особо следует отметить Ю.П. Францева, работавшего тогда заведующим сектором печати МИД СССР. Именно он в 1958 году при учреждении Советской социологической ассоциации стал её первым президентом. На некоторых семинарах присутствовали до полусотни человек. Проблема заключалась в "налаживании дела борьбы с современной буржуазной социологией". Помимо того, что "специальному товарищу Рабиновичу" было поручено "давать систематически аннотации статей, публикуемых в новейших американских журналах" [21], готовились монографические исследования по этим вопросам. В архивных материалах имеются упоминания не только о планируемой книге Баскина, но и работе профессора А.П. Гагарина "Новейшая англо-американская со-

циология". Это немного удивительно, потому что, как отмечено в отчётах, "автор испытывал технические трудности при чтении иностранных текстов". Вообще, профессор Гагарин прославился своими марксистскими афоризмами ещё в ИФЛИ, где он преподавал философию. "Гегель одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал светлое будущее"; "В Англии миллионы рабочих рук теряют почву под ногами"; "в центре философии Дидро был человек, то есть гомо" — до сих пор ифлийцы помнят эти формулировки². Так или иначе, работа сектора продвигалась. Б.С. Донях писал о социальных доктринах лейборизма и фашизма, Н.Л. Рубинштейн занимался русской социологией [23]. В число задач сектора входило составление программы по истории социологических учений. Имеются неподтвержденные сведения, что эта работа предписывалась "постановлением" начальника Управления пропаганды ЦК ВКП (б) тов. Александрова и находилась под контролем специальной комиссии. Скорее всего, данное направление поддерживал и академик-секретарь Отделения истории и философии В.П. Волгин. Во всяком случае, Г.Ф. Александров, Ю.П. Францев и П.Н. Федосеев составляли неявный "социологический триумvirат" и прикладывали много усилий для развития критико-социологического направления в советском марксизме. Ю.П. Францев был меньше остальных втянут в операции на философском фронте. Тогда ректор МГИМО, он обладал значительным влиянием в области международной информации и публиковал установочные статьи. Заслуживает внимания, в частности, его работа о концепциях буржуазного национализма в "Большевике" [24] — её справочный аппарат свидетельствует, что автор знаком с новейшими западными публикациями, хотя подобраны они были бессистемно. В таком же ключе работал Александров, чья специализация в социологии была более отчетливой. Даже если он разоблачал Дж. Дьюи, то рассматривал его как социолога [25]. Но — поразительно! — ни в одном из его многочисленных официальных выступлений нет ни слова о марксистской социологии. Тогда социология не была запрещена, но все хорошо помнили механицистскую ересь и "теорию равновесия". И тем не менее, этот росток пробивался через

---

² Впрочем, один из этих афоризмов А. Зиновьев приписывает «академику Петину» [22]. Здесь вероятно, уже начинается философский фольклор.

идеологический бетон. В "большевистской" статье М.И. Калинина о работе Ленина "Что такое "друзья народа" присутствует знаменитый пассаж о социологии марксизма, но сами социологи не спешили открыто заявить о своей дисциплине, как будто боялись дурного глаза. Вообще, расследуя историю советской социологии, имеет смысл обращать внимание не только на то, что сказано, но и на то, как сказано, в частности, в каком порядке. Таким способом иногда можно вычитать больше, чем написано. Так вот. Первый номер "Большевика" за 1946 год в этом отношении весьма симптоматичен. После текста доклада Александра на торжественном заседании, посвященном 22-й годовщине со дня смерти Ленина (здесь проводилась мысль, что до появления научных взглядов на развитие общества и претворения их в жизнь партией большевиков человек был бессилён поставить на службу общества законы исторического развития народов и государств [26]) следует статья Калинина с цитатой о социологии из "Друзей народа", а за ней — статья М. Леонова, где актуализирован вечный вопрос о соотношении теории и эмпирии в марксистско-ленинском научном предвидении [27]. И опять апелляция к Ленину: марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности ... Угадывается формирующийся альянс социологии с "живой жизнью", а впоследствии он станет основой ее многолетней сепаратистской деятельности вплоть до победы над истматом в 1988 г.

Летом 1946 года "Большевик" публикует программную статью Г.Ф. Александрова (стенограмму доклада на сессии АН СССР 4 июля 1946 г.), где давалась широкая панорама западных социологических концепций [28]. Такого внимательного реферирования западной социологической литературы советский марксизм ещё не знал, но особенно примечательно, что подчеркивались значительные критические возможности социологии применительно к оценке современного империализма. Автор подробно, на нескольких страницах, освещает взгляды Роберта Энджелла, не зная, что через десять лет тот предпримет активные усилия для интеграции советских социологов в международное сообщество. В заключение Александров, как положено, цитирует характеристику буржуазной социологии, данную Лениным, и делает вывод, что общественная наука в СССР необ-

ходима для построения планового социалистического общества. Может быть, именно эта статья развивала успех, упомянутый на заседании баскинского сектора как "разрешение социологии"?

В августе 1946 года "Большевик" опубликовал передовую статью "Советская общественная наука на современном этапе" [29], где вопрос, по крайней мере в его терминологическом аспекте, решался однозначно, "в марксизме есть общественная наука". Буржуазные "социологи"... обходят коренные вопросы современности или извращают существо наиболее важных проблем, поставленных современным развитием общества... туманом учёных фраз, псевдонаучных терминов авторы "социологических" и политических трактатов вуалируют действительное существо важнейших проблем современности" [29, с. 10].

Характерно, что группа социологии фигурирует в протоколах Института философии иногда как группа по истории социологических учений, и последнее наименование вроде бы соответствует ее реальному предназначению. Но была и сверхзадача, выходящая за рамки "критики" — реабилитация социологии как научной дисциплины. "Теперь, когда введено слово "социология", — говорится в протоколе заседания группы от 22 февраля 1946 г., — очень важно отбросить архивные категории социологии. Нужно взять плоть и кровь материалов по социологическим учениям, теориям, раскрыть связи со всей породившей эти теории экономической и социальной обстановкой" [30].

Ссылка на речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 года практически ничего не объясняет, даже если учесть слова вождя о том, что "особое внимание будет обращено ... и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов ... могущих дать возможность науке развернуть свои силы" [31].

Кто же разрешил ввести слово "социология"? Вряд ли данная инновация шла с самого верха. Скорее всего, к ней имел прямое отношение Г.Ф. Александров, в то время звезда первой величины в советской философии. В октябре 1946 года он был избран действительным членом Академии наук, до заката его политической карьеры оставалось менее года. Вероятно, Баскин и его команда получили от Александрова недвусмысленную

установку относительно социологии, и не исключено, что это было согласовано с А.А. Ждановым. Судьба злосчастного термина остаётся несколько туманной, но дело не в слове — важнее прояснить замысел спектакля, эпилог которого актеры не могли и представить.

Так или иначе, слова "теперь, когда введено слово "социология", сопровождающиеся ссылками на Сталина, не могут быть случайным недоразумением — уж слишком рискованное это дело. В публикациях 1946 года можно проследить, как медленно и осторожно разворачиваются социологические сюжеты. В докладе А.А. Жданова на торжественном заседании Моссовета 6 ноября, посвященном 29-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, содержится упоминание об опросе, проведенном Институтом общественного мнения в США. Опрос показал, что мало кто из американцев верит в избирательные права советских беспартийных трудящихся, на вопрос, можно ли исповедовать в СССР какую-либо религию, многие отвечают, что нельзя, либо не знают, как ответить. "За последнее время появилось также много "исследований" на тему о характере советских людей вообще, о национальном характере русских, в частности, причем во многих статьях не жалеют усилий для того, чтобы изобразить советских людей в самом неприглядном свете", — говорит А.А. Жданов [32]. Можно предположить, что информация в такого рода исследованиях прошла по цепочке Баскин—Александров или через Францева. Следующий номер партийного официозуса развивает социологическую проблематику вполне целенаправленно, без перифраз. В статьях П.Н. Федосеева "Современная буржуазная социология о проблемах войны и мира" [33] и Г.Ф. Александрова "О советской демократии" [34] (стенограммы из выступлений на сессии АН СССР 29 ноября и 3 декабря 1946 г.) анализировались взгляды Л. Бернарда, Дж. Дьюи, М. Адлера, У. Липпмана, Б. Кроче, Г. Ласки, У. Бевериджа и др. При этом содержание западных социологических концепций проанализировано со знанием дела и весьма подробно. Аналогичный материал постоянно упоминается и в протоколах баскинского подразделения. В декабре 1946 года вышла статья Францева с аналогичной критикой Э. Росса, А. Тойнби, К. Беккера, У. Огберна, П. Гуча [35]. Во всяком случае, есть основания

считать, что социологию в её критической версии ввёл в жизнь журнал "Большевик" во главе с П.Н. Федосеевым. Из этих публикаций можно сделать, по меньшей мере, два вывода: а) хотя буржуазная социология трактовалась как ненаучная и реакционная, возможность марксистской научной социологии никогда не отрицалась, скорее, речь шла о создании советской социологической альтернативы, не выходящей, конечно, за рамки канонических формулировок "Краткого курса истории ВКП (б)"; б) к осени 1946 года советскими "критиками" был изучен обширный социологический материал, ставший плацдармом для дальнейшего развития дисциплины. Хотя лидирующую роль в социологии выполняли иерархи марксизма, Баскину принадлежит немалая заслуга в научном обеспечении прорыва. В начале 1947 года в журнале "Большевик" появился подготовленный Баскиным обзор "Американского социологического обозрения" и "Американского журнала по социологии" за 1941 — 1946 гг. [36]. Жёсткий ругательный стиль "критики" представлен здесь в полной мере, но реальность тех лет не менее многослойна, чем ныне. Тщательность реферирования — сама по себе признак готовности к международному сотрудничеству. Тогда случайностей было немного, и стоит обратить внимание на опубликованное в этом же номере интервью И.В. Сталина журналу "Лук", где на вопросы "Высказываетесь ли Вы за широкий обмен информацией культурного и научного характера между нашими двумя странами? Высказываетесь ли Вы также за обмен студентами, артистами, учёными, профессорами?" генералиссимус ответил: "Конечно" [37].

Наверху шла большая игра, а группа Баскина занималась изучением западной социологии. Здесь регулярно читаются доклады, обсуждаются идеи Л. Уорда, Ф. Гиддингса, Л. Бернарда, теории общественного прогресса XVIII века. В ноябре Баскин обращается "наверх" с предложением организовать кафедры и аспирантуру по новейшей буржуазной философии и социологии в только что открывшейся (как и пообещал Сталин) Академии общественных наук при ЦК ВКШБ, в Московском и Ленинградском университетах [38]. Надо сказать, что Александров стал заведовать кафедрой истории философии в АОН, а Баскин преподавал на философском факультете МГУ. Опыт преподавания ис-

тории социологических учений у них имелся ещё со времен ИФЛИ — нынешний либеральный имидж социологии немножко не сочетается с тем фактом, что курс социологии читался в ИФЛИ в 1937 году, как раз после разоблачения там "пригожинско-дмитриевской группы врагов народа" [39].

Удивительна искренняя заинтересованность баскинской группы в разоблачении классовых корней буржуазных концепций. Такой подход диктовался принципом партийности философии, который, в общем и целом сводится к тому, что философия выражает интересы класса, следовательно, лучший способ философской полемики — уничтожение представителей чуждой пролетариату точки зрения. С тех пор как М.Б. Митин, П.Ф. Юдин и другие "молодые товарищи" в начале 30-х годов убедительно доказали, что ЦК ВКП (б) не только политический, но и теоретический центр философской мысли [40], принцип партийности стал *idée fixe* исследовательской работы. Обычно "партийность" не влекла за собой ничего кроме репрессий и шельмования, а здесь, в баскинской группе, ставились неординарные историко-философские диагнозы. Чего, например, стоит претензия профессора А.П. Гагарина объявить учения Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка "пролетарским наследством" [41].

"Проблема V" — так обозначена история и критика социологических учений в плане Института философии АН СССР (1946—1948) [42]. Эта формулировка означала признание критико-социологической проблематики важнейшим направлением "научно-философского фронта". Сталинско-ждановская забота об учёных обещала дать ощутимые результаты. Катастрофа разразилась в июне 1947 года (если не считать репетиции в январе). Удар был нанесён по Г.Ф. Александрову. Причины разгрома его книги "История западноевропейской философии" не совсем понятны. По-настоящему он мог быть виновен в чём угодно, но не в буржуазном объективизме, либерализме и забвении принципа партийности. Этот вопрос пока остаётся тёмным и требует выяснения расстановки сил и групп интересов в философско-идеологическом сообществе. Во всяком случае, судя по публикациям, даже в начале года не было никаких признаков предстоящей атаки на Александрова. Более того, в "Большевике", который не должен был ошибаться, незадолго до разгрома опублико-

валась рецензия П.Е. Вышинского на "Историю западноевропейской философии", содержащая только такие оценки, которые принято высказывать в адрес непогрешимого идеологического иерарха [43]. Да и могли ли возникнуть какие-либо сомнения по поводу книги, автор которой был только что удостоен Сталинской премии?

Впрочем, не так уж важно, что послужило поводом немилости руководства к новоиспечённому академику. Развёртывался фронт классовой борьбы за чистоту духовной жизни советских людей, и дело не могло ограничиться разгромом ленинградских журналов, очищением театрального репертуара и борьбой с "искажениями" в кинематографе. Пришла очередь философии, и наиболее подходящей оказалась книга Александрова, "не отвечающая требованиям, которые мы предъявляем к большевистскому учебнику по истории философии" (из выступления М.В. Эмдина на дискуссии [44, с. 6—7]). Вероятно, жанр социологического анализа, избранный Александровым, действительно обнаруживал внутреннюю, потаённую несовместимость с партийностью и, как показала дискуссия, философская общественность хорошо улавливала этот диссонанс. Уже в 30-е годы идеологические аутодафе обрели устойчивую форму собраний трудящихся и дискуссий, где роли были распределены с безупречной пунктуальностью и игрались истово и правдиво.

Обсуждение книги в январе 1947 года в Институте философии АН СССР было признано А.А. Ждановым неудовлетворительным: "Дискуссия в том виде, в каком она была проведена, оказалась бледной, куцей, неэффективной, а поэтому и не имела должных результатов. В связи с этим ЦК решил организовать новую дискуссию с тем, чтобы к этой дискуссии были привлечены не только работники из Москвы, но и работники из республик и крупных городов РСФСР" [44, с. 3].

Посмотрим на диспозицию философского погрома. Его материалы имеют непосредственное значение и для прояснения судьбы социологии не только потому, что огонь вёлся по площадям, но и потому, что Александров особо покровительствовал "Проблеме V" — социологическому направлению в Институте философии. Автор книги был обвинён в том, что "из 69 философов нет указаний на классовые корни 48 философов" [44, с. 71].

Видно, как александровский социологизм атаковался социологическими же средствами. Речь шла о том, выразителями чьих интересов были те или иные персоналии. Здесь, конечно, немудрено ошибиться, но принадлежал ли Демокрит "к демократической части рабовладельцев" — не столь уж важно. Важна схема, в основу которой был положен принцип социологического объяснения философских идей. Об этом напомнил диспутантам М.Д. Каммари: "К анализу классового содержания философских учений нельзя подходить вульгарно, упрощенчески, по методу Шулятикова и так называемой исторической школы Покровского" [44, с. 16]. Но этот упрек был риторическим — он адресовался и Александрову, и его критикам и не мог смягчить удары. Принцип партийности требовал не просто выведения идей из интересов тех или иных классов, а сведения всех философских рассуждений к улавлению установок партийного руководства. Маленький, чуть заметный нюанс приоткрывает суть дела: когда в январе Пospelов пытался что-то сказать в оправдание обвиняемого, присутствовавший в зале П.Ф. Юдин сделал карандашную пометку, поразительную по точности проникновения в замысел дискуссии: "Такие защитники только ухудшают дело. Они — лишены верного чутья, а руководствуются другими соображениями" [45]. Вероятно, Александров переоценил свои возможности в качестве философского "архиерея" И, если говорить о социологизме, то история западноевропейской философии превратилась летом 1947 года в часть марксистско-ленинской социологии. Но социологии от этого всё равно легче не стало.

Баскину, при всей его осторожности, явно не везло в политических переделках. И сейчас, в 1947 году, когда его сектор получил огромные возможности для работы, он попал в эпицентр идеологического тайфуна. Осенью 1946 года в журнале "Вестник Академии наук СССР" он опубликовал статью "Выдающийся труд по истории западноевропейской философии" (стоит обратить внимание на совпадение заголовка с рецензией Вышинского в "Большевике"), где убедительно доказал своё мнение о книге как выдающемся труде [46]. Разумеется, Баскин оказался пособником Александрова, и в ходе товарищеской дискуссии "Проблема V" начала умирать, едва родившись.

Выступление Баскина выглядело, на первый взгляд, наивным и беспомощным. Стенограмма неоднократно фиксирует шум и смех в зале, да и председательствовавший Жданов перебывал его сокрушительными вопросами-ударами. Баскин говорил, что Александров "советовался (смех в зале) и советовался со многими товарищами. Беда заключается в том, что мы оказались плохими советчиками (смех) и не давали тех нужных, действительно правильных советов, которые исключили бы те серьёзные ошибки, которые справедливо отмечают в работе т. Александрова" [44, с. 58]. (Впоследствии, в 1956 г., когда Александрова обвинят в пособничестве Сталину и его приспешникам, вспомнят, что он пользовался не только советами, но и текстами своих помощников.).

Попытавшись принять на себя часть удара, Баскин поставил вопрос об общей ситуации на философском фронте. Он самоубийственно заметил, что "у нас есть, конечно, великие труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, но где философские труды? — их за последние годы почти нет ... Тов. Каммари говорил, что т. Александров читал наши плохие монографии. Какие монографии имеет в виду т. Каммари? Монографий совсем не было" [44, с. 159]. И далее: "Если мы пишем статью оригинальную, с определённым выражением мысли автора, выходящей за пределы установленных редакцией шаблонных норм, такая статья или не принимается, или ещё чаще так редактируется, что всё индивидуальное уничтожается, и, таким образом, все статьи выглядят одинаково" [44, с. 160].

Современный моралист имеет возможность поставить в упрёк Баскину его выпад против книги А.О. Маковельского "Древнегреческие атомисты" — прозвучало обвинение Маковельского в антимарксизме за то, что тот якобы попытался отождествить Демокрита и Платона. Кроме того, Баскин напомнил членам учёного совета института, что ещё недавно многие из них читали книгу Александрова и всемерно одобряли её. Баскин промахнулся и в том, что рассказал о своих занятиях буржуазной социологией (изучением Бернарда и Богардуса). Но главная мысль "неудачника" раскрывала весь замысел дискуссии: "У нас в философской среде в последнее время имеется ряд только критиков, которые видят в "исследовании" одну задачу — кри-

тически высказываться о других товарищах. Вот мне и кажется, что вообще для морального права на критику нужно, чтобы мы все писали монографии и учебники, т.е. работали" [44, с. 163]. Знал ли он, что подобный эпатаж не проходит даром?

Вообще, имя Баскина по частоте упоминаний в дискуссии сопоставимо с именами Ленина, Сталина, Жданова и самого критикуемого Александра. А.А. Максимов обвинил Баскина в неискренности и обывательстве, при этом раздавались голоса из зала: "Правильно!". "Можно ли так изображать, что у нас (в Институте философии — Г.Б.) полная, так сказать, баскинщина была? (смех в зале). Нет, это не совсем так" [44, с. 1901]. С.В. Николаев заявил, что Баскин "совсем не является марксистом" [44, с. 209]. А.О. Маковельский, отвечая на критику по поводу Демокрита и Платона, назвал оценки Баскина "безграмотными" [44, с. 210]. Даже "соучастник" Баскина по хвалебному рецензированию "Истории западноевропейской философии" П.Е. Вышинский счел необходимым высказаться по данному вопросу: "Что касается его (Баскина — Г.Б.) оценки книги т. Маковельского, то это дело его, я бы сказал, философского легкомыслия ... (Голос из зала, невежества)... вы превращаете марксизм в ярлык, в этикетку, с легким сердцем наклеивая её направо и налево на товарищей, создающих книги" [44, с. 231]. Совершенно непонятно, зачем Баскину была нужна атака на Маковельского. Видимо, эти слова сказались с перепугу, как это часто бывает в споре, и отразились на дальнейшей судьбе социологии в СССР. Нельзя недооценить и мнение Жданова, который назвал Баскина "старым морским философским волком ... бороздящим философские моря и океаны без цитат, на глазок" [44, с. 256].

Говоря об итогах дискуссии, нельзя не упомянуть и о позиции П.Н. Федосеева, который подвергся серьёзной критике за "попустительство". Ему не предоставили слова на дискуссии, но в тексте своего выступления он каялся и предлагал Юдину принять критику и на свой счёт [44, с. 455—456].

С кристальной ясностью Жданов проанализировал положение дел в философской науке и поставил перед учёными чёткую задачу наступления на противника. Особое значение имело ждановское определение "философского фронта". "А где, собственно говоря, этот фронт? — спрашивал Жданов и отвечал, —

Философский фронт не совсем похож на наше представление о фронте. Когда говорят о философском фронте, то сразу же напрашивается представление об организованном отряде воинствующих философов, вооружённых в совершенстве марксистской теорией, ведущих развёрнутое наступление на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании советских людей у нас внутри страны,двигающих неустанно нашу науку вперёд, вооружающих тружеников социалистического общества сознанием закономерности нашего пути и научно обоснованной уверенностью в конечной победе нашего дела.

А разве наш философский фронт похож на настоящий фронт? Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя ещё не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведётся, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой риск и страх, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне, или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталым (смех)" [47].

Со снятием Александрова с должности начальника правления пропаганды и переходом в Институт философии положение "сектора социологии" стало весьма двусмысленным. Критическое усердие начало превозмогать возможности добросовестного реферирования западной литературы. Баскин был отстранен от активных операций на философском фронте, настали новые времена, пришли новые люди. Социология же, если говорить в терминах фронтовых, превратилась в подразделение быстрого реагирования и тактической разведки противника в глубине его обороны. Кроме того возникла нужда в разведывательной деятельности на внутреннем фронте — фронте борьбы с пережитками прошлого — и появился социальный заказ на "конкретные исследования". О них — разговор особый.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Neumann F. Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism.* New York: Octagon Books, Inc. 1963.
2. *Эру В.Ф.* От Канта к Круппу // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 103—105.
3. *Hough J.* The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1977. P. 22—24.
4. *Littlejohn G.* A Sociology of the Soviet Union. London: Macmillan Press, 1984. P. 157.
5. *Батыгин Г.С.* Происхождение социологии // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 2. С. 68—78.
6. *Ленин В.И.* Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? Поли. собр. соч. Т. 1. М.: Политиздат, 1967.
7. О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ 31 июля—7 августа 1948 года. М.: ОГИЗ—Сельхозиздат, 1948. С. 27.
8. *Рубашевский А.А.* Мичуринская биология о внутренних противоречиях в развитии живой природы // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 202.
9. *Розенталь М.* Победа социалистической революции и воспитание нового, советского человека // Большевик. 1947. № 20. С. 57.
10. *Ленин В.И.* Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. Поли. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1962. С. 385.
11. *Константинов Ф.* Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936. № 12. С. 47.
12. *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме (сентябрь 1938 г.). М.: Госполитиздат, 1953. С.14.
13. ЦГАОР. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
14. ЦГАОР. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 121. Л. 10.
15. ЦГАОР. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 136. Л. 17.
16. *Баскин М.П.* Как изучать политграмоту. Пособие для рабочих. М.; Издание МГСПС Труд и книга", 1925. С. 51

17. Интервью с Ю.Н. Давыдовым, июнь 1991 г. Коллекция фонограмм Г.С.Батыгина.
18. Большевик. 1947. № 14. С. 7.
19. Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. М.: ОГИЗ СССР, 1947. Т. 52.
20. Баскин М.П. Социология // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Гос. научное издательство "Большая Советская Энциклопедия", 1957. Т. 40.
21. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 213. Л. 1—8
22. Зиновьев А. Желтый дом. Т. 1. Lausanne: L'Age D'Homme, 1980. С. 88.
23. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л.1—4.
24. Францев Ю.П. Идеология буржуазного национализма на службе империалистической реакции // Большевик. 1947. № 8. С. 39—49.
25. Александров Г.Ф. Философствующие оруженосцы американской реакции // Большевик. 1947. № П. С. 23—51.
26. Александров Г.Ф. Под великим знаменем Ленина—Сталина // Большевик. 1946. № 1. С. 3—4.
27. Леонов М. Марксистско-ленинская наука — основа научного предвидения // Большевик. 1946. № 1. С. 35—36.
28. Александров Г.Ф. О современных буржуазных теориях общественного прогресса // Большевик. 1946. № И—12. С. 11—39.
29. Советская общественная наука на современном этапе // Большевик. 1946. № 15. С. 1—10.
30. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 14.
31. Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года // Большевик. 1946. № 3. С. 10.
32. Жданов А.А. 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1946 года // Большевик. 1946. №21. С. И.
33. Федосеев П.Н. Современная буржуазная социология о проблемах войны и мира // Большевик. 1946. № 22.
34. Александров Г.Ф. О советской демократии // Большевик. 1946. № 22

35. *Францев Ю.П.* Буржуазная социология на службе реакции // Большевик. 1946. № 23—24.
36. *Баскин М.П.* Американские социологические журналы // Большевик. 1947. № 1. С. 56—64.
37. Журнал "Лук" опубликовал интервью товарища Сталина с Эллиотом Рузвельтом // Большевик. 1947. № 1. С. 3.
38. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 37, 38, 41.
39. *Гагарин А.* На философском факультете ИФЛИ // Труды Московского института истории, философии и литературы. Философский факультет. М.: МИИФЛИ, Нар-компрос РСФСР, 1937. Т. 1. С. 266.
40. *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20-30 годы). New York: Chalidzo Publications 1981. С. 159.
41. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 43.
42. ААН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 193. Л. 151.
43. *Вышинский П.Е.* Выдающийся труд по истории западноевропейской философии // Большевик 1946. № 13-14.
44. Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии", 16—25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии 1946. № 1.
45. ААН. Ф.1636. Оп. 1. Д. 48. Л. 85.
46. *Баскин М.П.* Выдающийся труд по истории западноевропейской философии //
47. Вестник Академии наук СССР. 1946. № 10. С. 121 — 123 47.
48. *Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова "История
49. западноевропейской философии" // Большевик. 1947. № 16. С 19.